
СКАЗКИ
ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ.
Рисунки И. Я. Билибина.
Изданіе
Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1902 г.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: „Слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она—и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью“. Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ,—стало-быть, и хозяйка, и мать опытная.

Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами,

чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла, — совсѣмъ житья не было!

Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачеха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости, несмотря на то, что онѣ всегда сидѣли, сложа руки, какъ барыни. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою!

Зато Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужъ куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и потчеваетъ ее, приговаривая: „На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости: злая мачеха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта. Научи ты меня: какъ мнѣ быть и жить, и что дѣлать“?

Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рветъ цвѣточки, а у нея ужъ и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было ей жить съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ, — на мачехиныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачеха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: „Не выдамъ меньшой прежде старшихъ“! а, проводя жениховъ, побоями вымещаетъ зло на Василисѣ.

Вотъ однажды купцу понадобилось ѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачеха и перешла на житье въ другой домъ; а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга; никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису; но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть—и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, а сама легла спать.

Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачехиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно, и потушила свѣчку. „Что теперь намъ дѣлать“? говорили дѣвушки: „огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ“! — „Мнѣ отъ булавокъ свѣтло“! сказала та, что плела кружево: „я не пойду“!—„И я не пойду“, сказала та, что вязала чулокъ: „мнѣ отъ спицъ свѣтло“! — „Тебѣ за огнемъ итти“, закричали обѣ: „ступай къ бабѣ-ягѣ“! и вытолкали Василису изъ горницы.

Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: „На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылаютъ

И.БИЛИБИНЪ.1900.

за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съѣстъ меня"! Куколка поѣла, и глаза ея заблестѣли, какъ двѣ свѣчки. „Не бойся, Василисушка"! сказала она, „ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не станется съ тобой у бабы-яги". Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ и, перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо нея всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая, — на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы: заборъ вокругъ избы изъ человѣческихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами; вмѣсто верей у воротъ — ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами.

Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черный, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подскакалъ

И. БИЛИБИНЪ 1900.

И. БИЛИБИНЪ 1900.

къ воротамъ бабы-яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза, и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшный шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала: „Фу-фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь“?

Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ и, низко поклонясь, сказала: „Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ“.

„Хорошо“, сказала яга-баба, „знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ“!

Потомъ обратилась къ воротамъ и вскрикнула: „Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь; ворота мои широкія, отворитесь“! Ворота отворились, и баба-яга въѣхала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потомъ опять все заперлось.

Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: „Подавай-ка сюда, что тамъ есть въ печи: я ѣсть хочу“. Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣба да кусочекъ поросятины.

Стала яга-баба спать ложиться и говоритъ: „Когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя“!

Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины объѣдки передъ куклою, залилась слезами и говорила: „На, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую дала мнѣ яга-баба работу и грозится съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ“! Кукла отвѣтила: „Не бойся, Василиса Прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися: утро мудренѣй вечера“!

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлый всадникъ, — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула, — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красный всадникъ, — взошло солнце.

Баба-яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась изобилью во всемъ и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего приняться.

Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. „Ахъ ты, избавительница моя“! сказала Василиса куколкѣ: „ты отъ бѣды меня спасла“! — „Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать“, отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы: „состряпай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье“!

Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черный всадникъ, — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились

глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья—ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. „Все ли сдѣлано"? спрашиваетъ яга. „Изволь посмотрѣть сама, бабушка"! молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: „Ну, хорошо"! Потомъ крикнула: „Вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу"! Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ.

Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: „Завтра сдѣлай ты то же, что и нынче, да, сверхъ того, возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вишь кто-то, по злобѣ, земли въ него намѣшалъ"! Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по-вчерашнему: „Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, — все будетъ сдѣлано, Василисушка"!

На утро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: „Вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ мака масло"! Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча. „Что жъ ты ничего не говоришь со мною"? сказала баба-яга: „стоишь какъ нѣмая"! — „Не смѣла", отвѣчала Василиса, „а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой о чемъ".—„Спрашивай; только не всякій вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро состарѣешься"!

„Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлый и въ бѣлой одеждѣ; кто онъ такой"? „Это день мой ясный"! отвѣчала баба-яга.

„Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красный и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой"? — „Это мое солнышко красное"! отвѣчала баба-яга.

„А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка"?—„Это ночь моя темная—все мои слуги вѣрные"!

Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. „Что жъ ты еще не спрашиваешь"? молвила баба-яга. „Будетъ съ меня и этого; сама жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь—состарѣешься"!

„Хорошо", сказала баба-яга, „что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ: я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили, и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу: какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ"?

„Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери", отвѣчала Василиса. „Такъ вотъ что! убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! Не нужно мнѣ благословенныхъ"! Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала: „Вотъ тебѣ огонь для мачехиныхъ дочекъ, возьми его; онѣ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали".

Бѣгомъ пустилась домой Василиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и, наконецъ, къ вечеру другого дня добралась до своего

дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрно, дома, думаетъ себѣ, ужъ больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: „Не бросай меня, неси къ мачехѣ"!

Она взглянула на домъ мачехи и, не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась итти туда съ черепомъ. Впервые встрѣтили ее ласково и разсказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей,—тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу.

„Авось твой огонь будетъ держаться"! сказала мачеха. Внесли черепъ въ горницу, а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачеху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда ни бросятся—глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замокъ, пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ: „Скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну самаго лучшаго; я хоть прясть буду". Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло: работа такъ и горитъ у нея, и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да такихъ бердъ не найдутъ, чтобы годились на Василисину пряжу,—никто не берется и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говоритъ: „Принеси-ка мнѣ какое-нибудь старое бердо да старый челнокъ, да лошадиной гривы: я все тебѣ смастерю". Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный станъ.

Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ: „Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ". Старуха взглянула на товаръ и ахнула: „Нѣтъ, дитятко! такого полотна, кромѣ царя, носить некому; понесу во дворецъ". Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: „Что тебѣ, старушка, надобно"?—„Ваше царское величество", отвѣчаетъ старуха, „я принесла диковинный товаръ; никому, окромѣ тебя, показать не хочу". Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху и, какъ увидѣлъ полотно,—вздивовался. „Что хочешь за него"? спросилъ царь. „Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! я тебѣ въ даръ его принесла". Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ, царь позвалъ старуху и сказалъ: „Умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки шить".—„Не я, государь, пряла и соткала полотно", сказала старуха: „это работа пріемыша моего—дѣвушки".—„Ну, такъ пусть и сошьетъ она"!

Воротилась старушка домой и разсказала обо всемъ Василисѣ. „Я знала", говоритъ ей Василиса, „что эта работа моихъ рукъ не минуетъ". Заперлась въ свою горницу, принялась за работу; шила она, не покладываючи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова.

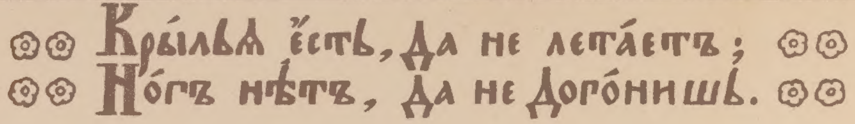
Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царскій слуга; вошелъ въ горницу и говоритъ: „Царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ“.

Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису Прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. „Нѣтъ“, говоритъ онъ, „красавица моя! не разстанусь я съ тобою: ты будешь моей женою“. Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадебку сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

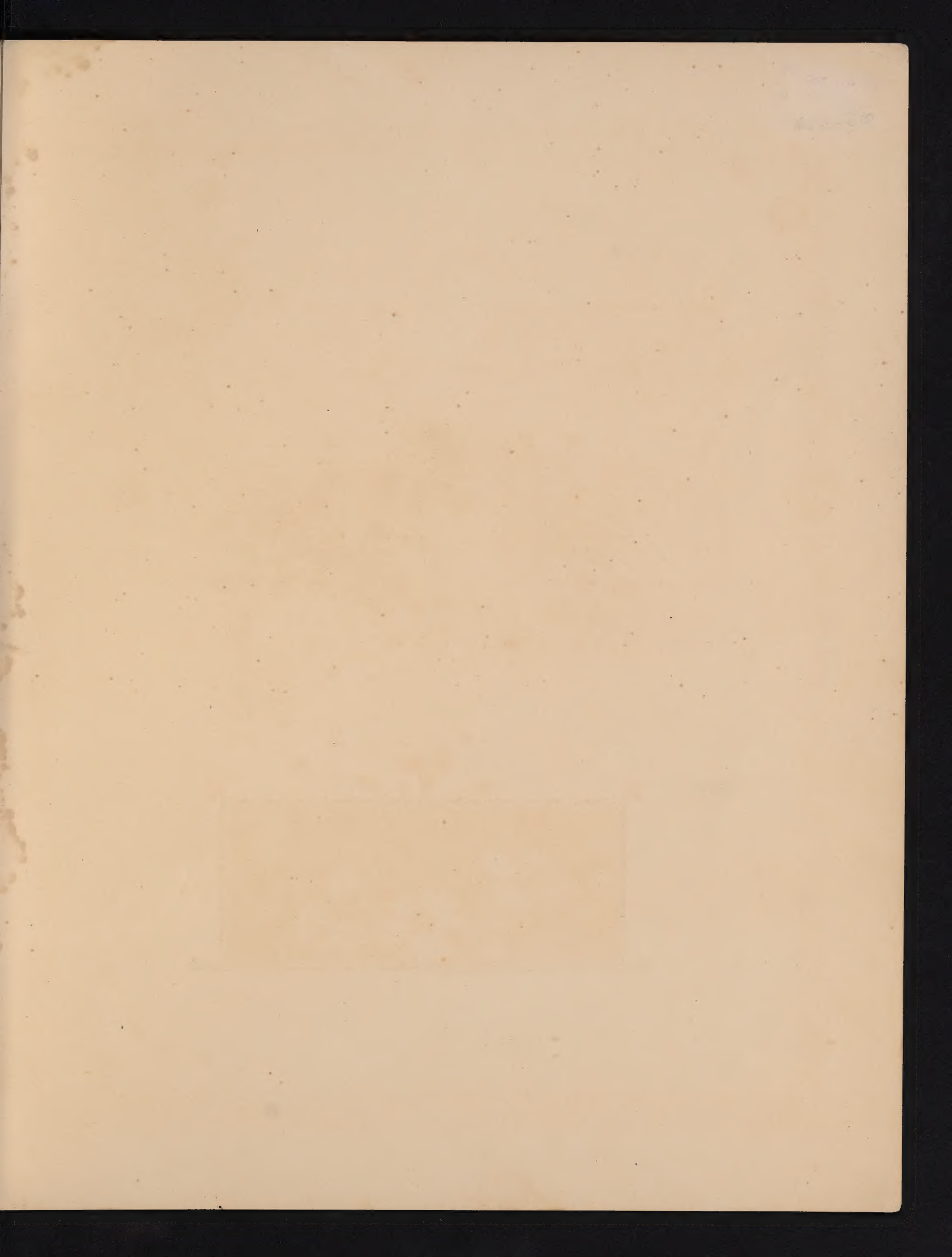
Загадка:

Крылья е́сть, да не лета́етъ;
Но́гъ нѣтъ, да не дого́нишь.

Цѣна 3 руб.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.